

НАШ ПОЭТ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Валерьян ФУРМАНОВ,
бывший летчик
полярной авиации:

— Да, Пушкин... Конечно...
Я, если можно, прочту свои
стихи. Ему. Вот эти.

«Погибну сам иль он будет
убит».

Так думает поэт, чуть голову
склонив.

Нет, не от страха.
Так удобней думать...

Он пальцы возле сердца
положил

И смотрит в мстительное
шарящее дуло.

Дело в том, что сочинил их
здесь, у памятника. Долго ду-
мал, в какую минуту изобразил
Опекушин поэта. Приходил сюда
не раз, ходил вокруг памятника.
И решил — стоящим под дулом
пистолета.

Я люблю Пушкина. Мне неко-
го поставить с ним наравне. Он
— один.

Юрий НИКУЛИН,
народный артист СССР:

— Так сразу и не ответишь...
Не было бы Пушкина, я бы сам,
наверное, был бы другим. Лю-
бимая библиотека в детстве бы-
ла у меня Пушкинской. Полвой-
ны стоял я под городом Пуш-
кином. Выбивали фашистов. Вы-
били. Дивизиону нашему при-

своили звание «Пушкинский». И
живу я теперь на Большой
Бронной, рядом с Пушкинской
площадью. Вот так все в судьбе
связалось...

А когда читаю сочинения
Пушкина, такое у меня впечат-
ление, что словно дышу атмо-
сферой объяснимости, и вся
гигантская палитра его образов
наполнена сильным дневным све-
том. Не воспринимаю его, как
поэта прошлого, нет. Он — мой
современник.

Лидия СЕРГЕЕВА,
работает дворником
в Ленинграде:

— Памятники большим людям,
я так понимаю, потому на люд-
ных местах ставят, чтобы они
все время с нами были. И пра-
вильно делают. Хороших людей
всегда помнить надо. Пушкин
хороший человек был, я знаю.
Порядочный. Он за честь жены
заступился, себя не пожалел.
Я его очень уважаю.

Владимир ШИКИН,
филолог:

— По мне он идеальное во-
площение судьбы личной и
творческой. Да, он погиб. Но
погиб, не отступив. Это —
характер человека недюжинной
силы, способного идти даже на
смерть, если нет иного выхода.
И потом, он носитель той
иерархии нравственных ценно-
стей, которые мы, к сожалению,

утрачиваем. Когда читаешь
Пушкина, яснее понимаешь, что
такое честь человека, достоин-
ство его, как надо любить Оте-
чество, каким вообще надо
быть человеку в мире людей.

Помню, какое сильное потря-
сение испытал при чтении «Мед-
ного всадника». Знал, что рус-
ская литература сильна любовью
к маленькому человеку. Пола-
гал, что ярче всех высказал ее
Достоевский. Но оказалось, исто-
ки-то — у Пушкина. Так и в
другом, что ни возьми. Он неис-
черпаем. Он всегда впереди нас,
достичь его невозможно. И в
этом смысле он действительно
подобен солнцу, к которому, как
ни стремись, приблизиться не
дано.

Полностью согласен с докто-
ром филологических наук про-
фессором Александром Михай-
ловичем Панченко, сказавшим
однажды о том, что каждая
нация нуждается в духовном
наставнике, и Пушкин как никто
другой отвечает этой потребно-
сти...

СВЕТЛАНА БУРЦЕВА,
художник-оформитель:

— Когда мы говорим: Пушкин
— живой, это не метафора. Он
действительно живой — в сво-
ей поэзии, прозе, исторических
исследованиях. Но плохо, когда
он начинает бронзоветь, когда
все воздают хвалу постольку,

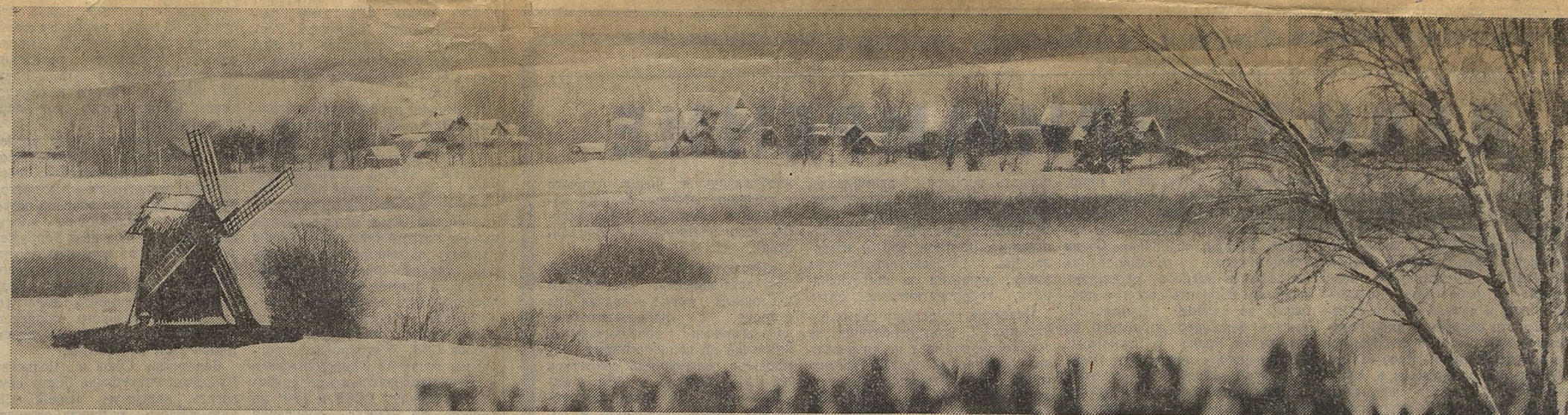
поскольку так принято. Напом-
ню гоголевскую мысль: чем исти-
ны выше, тем следует осторо-
жнее быть с ними. Иначе они
обратятся в общие места, а об-
щим местам нынче не верят.

Пушкин дорог мне. Так же
дорог он, конечно, многим и
многим людям разных возрас-
тов. Но эту любовь к нему на-
до, считая, носить в себе, в
своем сердце, не расплескивать
ее, не растрчивать в частом
употреблении.

Сергей СЕВАСТЬЯНОВ,
машинист тепловоза депо
«Лихоборы» Московской
железной дороги:

— Он был искренним, а это
свойство людей высокого духа,
большой человечности. Он был
искренним во всех своих по-
ступках, даже когда ошибался.
Искренность и честность —
родные сестры. Хороших лю-
дей, может, действительно
больше, чем плохих. Так было в
прошлые времена, так и сего-
дня. Но людей, способных оста-
ваться и в трудные минуты
честными, их не так уж много.
Пушкин и с царем не робел го-
ворить открыто, по справедли-
вости. Таких людей мы справед-
ливо считаем настоящими граж-
данами своего Отечества. Пуш-
кин для меня образец гражда-
нина.

Записал Вл. АРСЕНЬЕВ.

ЗИМА, ПУШКИНОГОРЬЕ

Фоторепортаж специального корреспондента «Известий» Сергея СМЕРНОВА

Первые дни ссылки он хандрил. А потом однажды, после отъезда родителей, приказал: «В собственный нашего высокогродия апартамент поставить: книжных шкафов — два, канapeй — один, туалет — тож, кресел — четыре. Кровать поставить в углу, завесив ее пологом, который приказано найти госпоже Родионовой незамедлительно. Дорожный баул — под диван, ящик с пистолетами и книгами не трогать, под страхом отправления в крепость! Все!» Потом раскрыл портфель, шкатулку. Поставил на свои места портреты Жуковского, Байрона, «столбик с куклой чугунной», подсвечник, чернильницу...

И сегодня в этой скромной комнате старого ганибаловского дома все, как при его жизни. Все вещи на своих местах. Здесь, в деревенском кабинете поэта, рождались его гениальные строчки. Кажется, рождаются вновь!

Откуда он, этот аромат достоверности?! От большой любви к своему делу людей, посвятивших Пушкину жизнь. Они все: экскурсоводы, лесничие и самые скромные музейные работники этих святых мест — подвижники. В Михайловском вы не найдете окурков на дорожках, поломанных веток у кустарников, атмосфера заповедника не позволит здесь безобра-

значать. Атмосфере этой мы обязаны в первую очередь верному «домовому» этих мест — главному хранителю Михайловского Семену Степановичу Гейченко.

...Чисты и прозрачны дали в Михайловском. Пушисты белые снега над Соротью. Четок, графичен силуэт старой мельницы. И, чу! Слышите звон бубенцов. Сейчас остановится тройка у дома с белыми колоннами. Из саней выйдет хозяин дома и легко взбежит на его крыльцо...

● Мельница на берегу Сороти.

● Рабочая комната Александра Сергеевича Пушкина.